

Не прошло и трёх дней, как все лекарства были готовы. Канцлер привел целую толпу людей, которые радостно и споро принялись упаковывать снадобья. Му Цинхуа на сей раз совершил поступок, достойный похвалы.

Впрочем, он и сам остался доволен: вознаграждение оказалось щедрым, и его кошелек заметно потяжелел.

Слава о Павильоне Охвата Луны и милосердии новоиспеченного государственного наставника начала распространяться по столице. Теперь лекарства, которые Му Цинхуа собственноручно изготавливал и предоставлял в первый день каждого месяца, стали для всех желанным сокровищем.

Но оставим столичные дела. Далеко на северо-западе, в землях, где господствовал прославленный Чжэнь-ван, контролировавший треть войск династии Да Тун, тоже прослышали о новом наставнике.

Чжэнь-ван, Ли Цзицзэ, приходился родным братом покойному императору. Если судить по рангам, то нынешнее тело Е Чунланя должно было называть его дядей.

Прежний владелец тела, Ли Синьюань, взошел на престол в четырнадцать лет. И хотя права его были законны, из-за юного возраста Ли Цзицзэ несколько лет исполнял обязанности регента, помогая малолетнему императору управлять государством вместе с группой верных сановников, оставленных покойным государем.

Ли Цзицзэ с юности пропадал на полях сражений. Обладая выдающимся мастерством владения боевыми искусствами и глубокими познаниями в стратегии, он не знал поражений. Десять с лишним лет назад за ним закрепилась слава бога войны, и он полностью оправдывал этот титул.

После кончины императора в стране не обошлось без потрясений. В те времена при дворе царило напряжение, и многие сановники втайне гадали: не воспользуется ли прославленный Чжэнь-ван своей властью, не станет ли притеснять юного императора или того пуще — не поднимет ли восстание?

Этого боялись почти все. Даже сам Ли Синьюань порой ночами не мог сомкнуть глаз, страшась, что однажды кто-нибудь ворвется к нему с известием о мятеже дяди.

Так прошли годы. Когда Ли Синьюаню исполнилось восемнадцать и он принял единоличное правление, Чжэнь-ван вместе с остальными сановниками вернул власть императору и со своей личной гвардией отправился в выделенное ему удельное княжество. Все были ошеломлены.

Так просто? Без единой волны он отказался от безграничной власти и вернул бразды правления монарху? Люди, с одной стороны, вздохнули с облегчением, но с другой — не могли поверить в происходящее.

Это же совершенно не соответствовало законам истории!

Однако всё произошло именно так. Ли Синьюань оказался способным правителем и за несколько лет без особых препятствий укрепил свою власть. Но в шестнадцатом году правления Чуньюаня Чжэнь-ван Ли Цзицзэ в сговоре с Ци-ваном совершил государственный переворот, захватил страну и перебил всех детей императора — конечно, за исключением того ублюдка, которого родила Хэ Цинчжэнь от Ци-вана.

Когда столица пала, а детей Ли Синьюаня одного за другим резали, как скот, сам он, отравленный Хэ Цинчжэнь, лежал на постели, не в силах пошевелиться, не имея возможности даже броситься на врагов, чтобы погибнуть вместе с ними.

Ли Синьюань испустил дух в муках и лютой ненависти. Он умер как собака, лишенный всякого достоинства. Это была расплата за то, что он доверился не тем людям. Вот почему обида и навязчивая идея, оставленные им Е Чунланю, были столь сильны.

В этой жизни Е Чунлань не успокоится, пока не отомстит самыми жестокими методами.

Сейчас Ци-ван уже мертв, Хэ Цинчжэнь крепко заперта, и если следовать желанию прежнего владельца тела — медленно мучить их, заставляя испытывать наибольший страх, — то с этим проблем не возникнет. По-настоящему сложным противником был Чжэнь-ван Ли Цзицзэ.

Он держал в руках реальную военную мощь, и любая ошибка могла привести к обратному эффекту. Ли Цзицзэ — князь, родной дядя императора, герой войны и соратник, помогавший управлять страной. Если попытаться расправиться с ним без неопровержимых доказательств, то Е Чунланя, пожалуй, утопят в ярости народной.

Даже если доказательства будут на руках, действовать нужно крайне осторожно. Ли Цзицзэ — не Ци-ван. В его распоряжении сотни тысяч закаленных в боях солдат. Если он, решив, что терять нечего, поднимет мятеж, пострадает вся страна, пострадает простой народ.

Е Чунлань прошел через горнило войны, он сам погиб из-за неё. Мятеж Ань Лушаня в четырнадцатом году Тяньбао был настолько кровавым и безнадежным, что Е Чунлань не хотел видеть подобного в этом мире, пусть даже этот мир был ему чужим.

О делах Чжэнь-вана Е Чунлань не раз тайно советовался с Му Цинхуа, но конкретного решения так и не нашел. Пришлось действовать по обстоятельствам.

Однако, пока они не могли найти способ навредить противнику, неприятности сами постучались в дверь. Куньчэн на северо-западе, где свирепствовала эпидемия, находился под юрисдикцией Чжэнь-вана. Пользуясь стихийным бедствием, его поместье откусило от государственного бюджета такой кусок, что старый министр двора дважды вызывал врачей, схватившись за сердце.

Что касается лекарств, предложенных Му Цинхуа, то кроме канцлера, больше всех радовался именно этот старый министр. Если всё удастся, выгоду получит не только народ, но и казна Да Тун!

К несчастью, он не знал, что казна Да Тун уже была отдана в качестве приданого одним непутевым монархом, который ценил красоту превыше империи. Иначе дело ограничилось бы не только вызовом лекарей.

Прошло более полумесяца с момента отправки лекарств, но вестей не было. По логике, хоть какой-то ответ должен был прийти. Все, кого волновало это дело, начали тревожиться.

Но тревога длилась недолго. Вскоре чиновник, отправленный с караваном, вернулся в столицу, приведя с собой человека.

Мужчина лет сорока, с повязанной на голове косынкой и редкой бородкой, выглядел как типичный ученый. Внешность его была самой заурядной, в толпе такого не заметишь, но в глазах читалась редкая начитанность.

Фу Ань был странствующим советником в поместье Чжэнь-вана. Ли Цзицзэ очень ценил его, считая правой рукой. Раз такой важный человек прибыл лично, значит, дело было серьезным.

Как только Фу Ань увидел императора, он достал личное послание Чжэнь-вана. Е Чунлань бегло просмотрел его, и его брови нахмурились.

— Чжэнь-ван хочет, чтобы наставник отправился на северо-запад? — рука Е Чунланя в рукаве слегка сжалась, он с трудом подавил готовое сорваться с языка «нет».

Фу Ань почтительно поклонился:

— Лекарство почтенного наставника — воистину чудодейственный эликсир, эпидемия в Куньчэне взята под контроль. Но масштаб бедствия оказался слишком велик, оно охватило не только один Куньчэн. Сколько времени уйдет на доставку новых партий, сколько людей погибнет в пути? Мой господин не может на это смотреть, поэтому приказал мне просить наставника совершить эту поездку.

Слова Фу Аня звучали разумно и убедительно. Он прикрылся именем Чжэнь-вана и облачил просьбу в одежды заботы о государстве и народе. Ни по долгу службы, ни по личным соображениям Е Чунлань не мог отказать.

Но он не хотел. Совсем не хотел. И дело было не только в нежелании расставаться — Чжэнь-ван был как бомба с часовым механизмом. Как он мог позволить своему даосу войти в логово тигра?

После минутного раздумья некоторые министры начали согласно кивать, но атмосфера в зале стала тяжелой из-за долгого молчания императора.

Фу Ань, подумав, добавил:

— Конечно, на северо-западе сейчас беспокойно, но мой господин обещает, что задействует все силы поместья, чтобы защитить наставника.

Неужели Ли Цзицзэ действительно так печется о народе? Е Чунлань лишь усмехнулся. Если бы у него не было воспоминаний прежнего владельца, он, возможно, и поверил бы, ведь он никогда не встречался с этим человеком. Но воспоминания Ли Синьюаня, особенно последние минуты жизни, врезались в память слишком глубоко. Если бы в Ли Цзицзэ была хоть капля любви к родине, он не поднял бы тот мятеж.

Прежний правитель не был бездарным императором, по крайней мере, в прошлой жизни он был достойным государем. Когда в стране царил мир, Ли Цзицзэ поднял бунт. Вспыхнула война, народ страдал, два года междоусобиц обескровили Да Тун.

Отбросив фальшивую маску заботы о народе, стало очевидно, что тот охотится за Му Цинхуа. А уж почему Чжэнь-ван обратил внимание на наставника, прослужившего всего два месяца, было загадкой.

Но по какой бы причине это ни происходило, Е Чунлань не позволит своему даосу ехать.

Увы, хотя он и император, не всё зависит только от его желания. Большинство министров видели в этом благое дело: если удастся побороть эпидемию, это станет счастьем для народа и всей Да Тун, а наставник накопит заслуги.

К тому же, здесь было замешано имя Чжэнь-вана.

Е Чунлань в очередной раз почувствовал несвободу, будучи императором — это было давление внешних сил.

У него был не самый покладистый характер. В детстве он был упрямым и строптивым, в ярости мог разнести свой внутренний дворик. Тогда даже старший наставник, которого он глубоко уважал, лишь беспомощно наблюдал за ним, не зная, что делать.

Повзрослев, он научился сдерживаться, но все братья по секте знали: Е Чунланя лучше не злить. Если он по-настоящему выйдет из себя, то не станет краснеть, кричать или ругаться. Он просто возьмет в руки меч и начнет крушить всё вокруг!

Всякий раз, когда он устраивал такую трепку под предлогом спарринга, ученики Горной обители Скрытого Меча ненавидели его всей душой, но победить не могли, поэтому им

оставалось лишь глотать слезы обиды.

Но теперь он не Е Чунлань. Сидя на этом троне, он — император Да Тун. Он не может махать мечом перед лицами сановников, поэтому эту горькую пилюлю ему приходится проглатывать самому.

Утренний совет закончился неудачно. Е Чунлань, отмахнувшись от сопровождающих, помчался в Павильон Охвата Луны. Лицо его было мрачнее тучи, так что обитатели павильона в испуге попрятались.

Е Чунлань не обращал на них внимания и прямоком направился в покои Му Цинхуа. В воздухе разливался аромат трав. Он, словно дракон, ворвался в комнату и бросился на человека, безмятежно загоравшего на кушетке.

Он всем телом навалился на него, уткнулся пушистой головой в грудь и крепко обхватил за талию.

Му Цинхуа слегка нахмурился, терпя боль в пояснице. Отбросив книгу, он погладил его по голове и спросил:

— Что случилось?

Е Чунлань потерся щекой, надул губы и спрятал лицо в его груди, даже не пытаясь подняться. Он словно дулся — то ли на других, то ли на самого себя.

Му Цинхуа помолчал, затем похлопал его по руке:

— Отпусти немного. Ты хоть понимаешь, какая у тебя силища?!

Е Чунлань заерзал, ослабил хватку, но остался лежать, превратившись в молчаливую человеческую статую.

Му Цинхуа тихо вздохнул и принялся гладить его по спине, словно успокаивая огромную собаку:

— Что всё-таки стряслось? — голос его невольно смягчился, ведь он никогда не видел его таким.

Получив ласку от дорогого человека, Е Чунлань наконец заговорил, и слова его крайне удивили Му Цинхуа.

— Даос, здесь совсем нехорошо. Я не хочу больше быть императором. Давай уедем, а?

После короткой паузы Му Цинхуа не ответил прямо, а нахмурился:

— Кто тебя обидел?

В темных глазах на мгновение промелькнуло недовольство. Его человека может обижать только он, другие пусть даже не смеют к нему прикасаться.

Е Чунлань покачал головой и подробно рассказал о том, что произошло на утреннем совете, а затем добавил:

— Я совсем не хочу, чтобы ты ехал. Кто знает, какие козни строит этот Чжэнь-ван? Но все министры согласны, жужжат над ухом, до смерти надоели! А я ведь даже мечом их не могу припугнуть. Быть императором — такая тоска, пусть кто хочет, тот и правит!

Е Чунлань ворчал и жаловался, но Му Цинхуа знал: всерьез эти слова воспринимать нельзя. Возможно, он действительно пресытился такой жизнью, но он был человеком, наделенным чувством ответственности. Раз уж он взял на себя бремя прежнего императора, то, как бы ему ни хотелось, он доведет дело до конца.

Му Цинхуа не прерывал его, зная, что тому нужно выговориться. После этого он снова станет оптимистичным и бесстрашным вторым молодым господином Е.

Му Цинхуа внимательно слушал. Когда Е Чунлань наконец замолчал, он поправил сбившуюся одежду и спокойно сказал:

— Раз уж Чжэнь-ван лично попросил меня, я поеду.

Е Чунлань надул губы, всем видом выражая нежелание.

— С чего это ты слушаешься его? А если он замышляет недоброе и навредит тебе?!

Му Цинхуа ткнул его в чистый лоб и бесстрастно ответил:

— Думаешь, мне так легко навредить? У меня есть способы спастись. — Божественное Перемещение было самым невероятным навыком выживания. — К тому же, в этой поездке есть и польза. Ты ведь говорил, что Чжэнь-ван в будущем поднимет мятеж? Вот и будет отличный повод выведать обстановку врага.

Сначала Е Чунлань был расстроен, но, услышав продолжение, просиял. Он обвил шею Му

Цинхуа и чмокнул его в невероятно красивое лицо:

— Даос, ты такой хороший! Ты самый лучший, я тебя так люблю!

Му Цинхуа с легким отвращением вытер слюни с лица и прикрикнул:

— Слезь, ты тяжелый!

Е Чунлань, глядя на то, как его даос пытается скрыть свои истинные чувства, рассмеялся и, не обращая внимания на сердитый взгляд, принялся осыпать его лицо поцелуями.

Мм, вкус что надо. Скоро им придется расстаться, а раз уж уезжать, то на несколько месяцев — как тут не нацеловаться вдоволь?!

<http://bllate.org/book/22147/2307319>